

УДК 947.081/.083

ПОКОЛЕНИЕ 1860-Х ГОДОВ И ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ А. В. АМФИТЕАТРОВА

Сабурова Т. А.

ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет» Омск, Россия (Омск, 644099, набережная Тухачевского, 14), email: sabourova@mail.ru

В статье рассматривается проблема взаимоотношения поколений 1860-х и 1880-х годов, «отцов и детей», а также образ поколения «шестидесятников», который составлял один из важнейших элементов поколенческого дискурса российской интеллигенции. Автобиографическая проза и воспоминания А. В. Амфитеатрова (1862–1938), журналиста, писателя, драматурга, редактора, позволяют раскрыть проблему преемственности и конфликта поколений в российском обществе второй половины XIX в. и показать значение взаимодействия поколений в формировании коллективных идентичностей. Проблема конфликта и преемственности поколений показана как отражение общественно-политической борьбы и социальных трансформаций в эпоху модернизации российского общества. Изменение социальной структуры российского общества под влиянием модернизационных процессов, формирование интеллигенции как особой группы и трансформация ее в профессионалов, актуализировало идентификационные поиски, создание и использование новых идентификационных конструктов, одним из которых и стало «поколение». Поколенческий дискурс оказался очень устойчивым, позволяя выражать различные идеи (политические, социальные, национальные), а образы различных поколений конструировались по общим основаниям, создавая культурную традицию и «мифологию» русской интеллигенции.

Ключевые слова: поколение, поколенческая идентичность, конфликт и преемственность поколений, интеллигенция.

THE 1860-S GENERATION AND GENERATION IDENTITY IN THE AMFITEATROV'S AUTOBIOGRAPHICAL PROSE

Saburova T. A.

Omsk State Pedagogical University, Russia (Omsk, 644099, Naberezhnaya Tukhachevskogo st. 14), email: sabourova@mail.ru

The issue of interaction between the “generation of 1860-s” and “generation of 1880-s” is considered in this article. It is focused on the representation of the “generation of sixties” as one of the most prominent element of the generational discourse of Russian intelligentsia. Autobiographical prose and memoirs of Alexander Amfiteatrov (1862–1938), a journalist, writer, and editor, reveal the issue of “generation gap” in the Russian society at the second half of the 19th – early 20th century, and also the meanings of the notion of generation, the role of generational interaction for the formation of collective identities. The conflict and continuity of the Russian intelligentsia’s generations are revealed in the broad historical context of the political struggle and social transformations in the epoch of modernization in late Imperial Russia. The formation of the Russian intelligentsia as a specific social, cultural and then professional grouping actualized searches of ways of identification and self-identification, that caused that the “generations” were occurring. The Russian intelligentsia transmitted different political and social ideas through the idea of generation and generation gap, however the different representations of generations were based on a common cultural tradition, reflected the constant traits of the intelligentsia.

Key words: generation identity, generation gap, intelligentsia.

Введение

Формирование поколенческой идентичности отражало социальные и культурные трансформации в российском обществе, особенности модернизационных процессов,

социального взаимодействия. По мнению П. Нора, Французская революция стала основательницей идеи поколения в истории, «не столько потому, что она вызвала к жизни конкретное поколение (это поколение будет замечено лишь позднее, благодаря исторической ретроспекции), сколько потому, что она открыла, сделала возможной, приблизила, заложила вселенную перемен и тот эгалитарный мир, исходя из которого только и могло возникнуть “поколенческое сознание”» [7, 51]. Понятие поколения становится востребованным, прежде всего, в эпоху перемен, становясь способом осмысления происходящих процессов и событий. Поэтому отнюдь не случайным выглядит широкое использование понятия поколения при описании эпохи реформ 1860–1870-х гг., так как поколенческая идентичность активно транслировалась в этот период представителями русского образованного общества и стала одним из вариантов самопрезентации русской интеллигенции. Акцентирование ситуации конфликта поколений в пореформенную эпоху, закрепленное в литературе и публицистике, прочно вошло в общественное сознание, создав устойчивые образы «шестидесятников», которые отражали не только особенности самоидентификации революционно настроенной части русского общества, но и служили мощным средством в борьбе за следующие поколения.

Общественно-политическая мысль и литература 1880-х годов не смогла в силу ряда причин создать такие же яркие и запоминающиеся образы «своего» поколения, напротив, во многом под влиянием сформированных представлений о людях 1860-х годов получило распространение мнение о «затишьи и безвременности» 1880-х, подчеркивавшее пустоту этих лет по сравнению с эпохой реформ. По мнению Б. В. Дубина, за поколенческими терминами скрывается история точечных, импульсивных «обвалов», «быстрого исчерпания любого ресурса перемен без подхвата и дальнейшей передачи импульса», и между «критическими точками общих переломов находятся пропущенные, потерянные, нереализовавшиеся поколения (всегда нагруженная в России метафорика безвременья, паузы и пр.)» [4, 13]. О сохранении стереотипа в восприятии 1880-х годов свидетельствуют и современные исследования, в том числе по проблематике поколений. Например, И. Г. Яковенко пишет: «Эпоха Николая I не способствовала поколенческому самоопределению. Но кризис николаевской России и эпоха Великих реформ создают шестидесятников XIX в. Эпоха Александра III демонстрирует очередное безвременье. Следующее поколение связано с Серебряным веком» [9, 113]. А. В. Амфитеатров сыграл особую роль в формировании образа поколения «восьмидесятников» (роман «Восьмидесятники» [1], а также

многочисленные статьи и воспоминания). Для нас важно определить ключевые способы репрезентации поколения «восьмидесятников», конструируемые границы поколения и смыслы, вкладываемые в это понятие, а для этого раскрыть значение образа поколения 1860-х годов как идентификационного конструкта.

Поколение «шестидесятников» стало основой для конструирования образа поколения «восьмидесятников», которое сравнивалось с ним как с сильным предшественником, задавшим образцы поведения, независимо от позитивного или негативного отношения к опыту этого поколения. По мнению И. Каспэ, «в отечественной традиции «литературное поколение», как правило, определяется через фигуру сильного предшественника. Тем самым устанавливается предел возможностей новой генерации («серебряный век» следует за «золотым», «бронзовый» – за «серебряным»), но за счет такого ограничения отвоевывается устойчивое место в высокой, большой литературе» [5, 165]. По аналогии с литературным поколением можно сказать, что русская интеллигенция, создавая свою историю как сообщества, также выстраивает единую цепь поколений (даже факт поколенческого конфликта скорее подтверждает адресацию к предыдущему поколению), претендуя тем самым на значимое место в истории общества, утверждая значимость интеллигенции как группы в целом и отдельных ее поколений, которые вписывают себя тем самым в историческую традицию.

Образ поколения 60-ков в творчестве Амфитеатрова является постоянным идентификационным конструктом, используемым для характеристики эпохи и отдельных лиц. Во-первых, это проявляется на уровне семьи, так отец Амфитеатрова, В. Н. Амфитеатров, неоднократно называется представителем поколения 60-х, и семейный смысл поколенческих взаимоотношений отцов и детей соединяется с социальной трактовкой взаимодействия поколений 60-х и 80-х гг. Таким образом, мы видим двойную поколенческую идентификацию на примере семьи Амфитеатрова. В. Н. Амфитеатров принадлежал к духовенству, которое в 1860-х г. определялось как новое поколение и фактически совпадало по характеристикам с такой группой, как интеллигенция, не случайно было появление понятия «поп-интеллигент». А. В. Амфитеатров писал о своем отце: «Поколение, философски образованное, не чуждавшееся светской культуры, усвоившее и проповедовавшее религию более в духе, чем в букве, в смысле, чем в обряде, избравшее себе любимой заповедью: милости богу, а не жертвы, смотревшее на себя как на общественных деятелей, избранных богом быть ходатаями и заступниками своей паствы, не только пред

небесами, но и под житейскими грозами от властей и сильных мира сего. Благородная порода этих ученых и гуманных батюшек была, конечно, очень немногочисленна в то дикое время, но зато была жертвенно деятельна, и хотя ее теснили и следили за ней зорко, как за не совсем благонадежною, однако ее и ценили. Мой отец принадлежал именно к этому поколению и был одним из его лучших и выразительнейших представителей» [2, 35]. Заметим, что характеристики образованности, немногочисленности, общественной деятельности, служения народу и вследствие этого неблагонадежности, полностью совпадают с характеристиками интеллигенции второй половины XIX в., для которой поколение 60-х формировало образцы поведения и идентификации.

Другой, еще более яркий и типичный представитель поколения 60-ков для А.В. Амфитеатрова – это его дядя, А. И. Чупров, также из семьи священника, семинарист, ставший известным ученым и одним из самых популярных профессоров Московского университета. А. В. Амфитеатров писал о Чупрове в своих воспоминаниях, особо подчеркивая его влияние на формирование собственного мировоззрения, сохранилась переписка Амфитеатрова и Чупрова, а также Чупров стал одним из героев романа Амфитеатрова «Восьмидесятники», и ему же был посвящен сам роман. Чупров воплощал в себе все лучшие качества интеллигента-шестидесятника: образованность, вера в идеалы, служение обществу и прогрессу, высокие моральные качества. «Чупров был продукт и герой интеллигенции и интеллигенцию же творил и размножал. <...> Он последовательно и неугомонно толкал мысль своих слушателей вперед, к прикладным усилиям социального прогресса, прививал им не мертвую науку для науки, но практическую, строго целесообразную программу жизни и деятельности на пользу цивилизации – родины и человечества» [2, 46-47].

Ярко проявилась и в характеристике Чупрова ключевая дефиниция 60-ков – служение общественным идеалам (именно по линии «общественное – индивидуальное» затем будут противопоставляться поколения 60-х и 80-х годов). Амфитеатров писал о нем: «Человек без частной жизни, весь он был – добрый общественный подвиг, не изменяемый течением свершающихся лет, непоколебимо крепкий верою в “человечества сон золотой”» [2, 47]. Примечательно, что характеристика Чупрова в результате больше напоминает характеристику духовного лица, пастыря, как использованием слов «отец», «светский духовник», «умиротворитель», «исцелитель», так и в целом созданием образа наставника молодежи, «проповедующего» с университетской кафедры, спасающего «заблудшие души»

от радикализма, заступника и утешителя. «Много матерей молит Бога за Александра Ивановича, потому что много горячих голов спас он своим словом и ходатайством на краю неминуемой преждевременной гибели и, направив их своим ласковым, разумным влиянием в русло спокойного и рабочего прогресса, сохранил их целыми и полезными как для самих себя, так и для русского общества» [2,43]. В этой характеристике сказывается и сохранение религиозного компонента в языке самоописания интеллигенции, складывавшегося под влиянием тех же талантливых семинаристов, и стремление поколения интеллигенции 60-х годов поставить науку на место религии, а за собой закрепить роль новых духовных наставников.

Показательно, что идея преемственности поколений выразилась не только в создании образа 80-ков, отталкиваясь от представлений о 60-ках, но и в соединении 60-ков с поколением 1840-х гг. Грановский, Герцен представлялись идеалами русской интеллигенции (при этом надо учитывать, что имя Герцена до начала XX в. по цензурным условиям нельзя было упоминать в печати). И не случайно, говоря о Чупрове как представителе поколения 60-ков, Амфитеатров видит в нем и человека 1840-х гг. – «романтик прогресса, идеалист и идеализатор, восторженный и несколько сентиментальный мыслитель, любвеобильный до самозабвения и очень торопливый деятель» [2, 54].

Отношение к поколению шестидесятников как к поколению «отцов» характерно для поколения восьмидесятников, при этом в публицистике конца XIX – начала XX в. явно доминируют негативные оценки восьмидесятников и идеализация «славного прошлого», эпохи 1860-х гг. Основной мотив публикаций на поколенческую тематику – несоответствие восьмидесятников идеалам 1860-х, утрата преемственности поколений в борьбе за «новую» Россию. При этом сама идея значения преемственности поколений в истории, заданная во многом теорией позитивизма, является одной из центральных. Конструирование поколенческой идентичности происходит по принципу противопоставления неоправдавших надежд детей героическим отцам. Н. В. Шелгунов писал о «восьмидесятниках»: «Одни из них сели под елью, другие сформировали «новое литературное поколение», третьи начали читать книги Ману и ушли в буддийскую мораль, четвертые отправились в паломничество к графу Л. Н. Толстому. Все это были лишь разные формы личного эгоизма, стремление единоличного я создать себе место в природе и найти убаготворяющую атмосферу в независимом личном положении» [8, 640]. Отсутствие поколенческой солидарности, общих транслируемых идеалов, индивидуализм, трактуется Шелгуновым как отрицательное

качество поколения, в противовес сплоченности шестидесятников в борьбе за «новое» общество. Закрепившийся в общественном сознании образ поколения 1860-х гг. как «новых людей» России, бывший мощным инструментом формирования социальной солидарности, продолжал выступать значимым идентификационным конструктом и для следующих поколений русской интеллигенции. Так, например, историк А. А. Кизеветтер пытался изменить сложившееся представление о поколении восьмидесятников, при этом основным аргументом было соответствие идеалов его поколения требованиям 1860-х гг., отрицание эгоизма и демонстрация активной общественной позиции: «Русская молодежь 80-х годов нередко изображается одной краской, как поколение, якобы совершенно отпрянувшее от увлечения общественными идеалами, и с головой ушедшее в мелкие личные интересы. Я сам принадлежу к этому именно поколению, являясь сверстником А. А. Корнилова, и могу дать точное свидетельское показание о том, что такое огульное суждение о студентах – восьмидесятниках далеко не отвечает действительности» [6, 234]. Образ шестидесятников стал важной составляющей поколенческого дискурса в конце XIX – начале XX в., причем в противопоставлении поколений ярко проявлялась преемственность характеристик, призыв соответствовать провозглашенным идеалам.

Амфитеатров, идентифицируя себя с поколением 80-х, в статье «Неудачное поколение» воспроизводит все типичные для публицистики начала XX в. характеристики поколений 60-х и 80-х гг. С поколением 60-х ассоциируется «мощный гражданский идеализм», «эпоха надежд и общественного подъема», «славные дела и дни работы для потомства», «доблестные граждане», «светлые личности», поколение 80-х характеризуется как «упадочная эпоха общественного уныния», «безделие и безмыслие», «жалкое поколение», приводя примеры обвинений «детей» в том, что они не умеют мыслить, у них нет идеалов, они лишены принципиальной чуткости и им нечего передать потомству. При этом Амфитеатров считает ситуацию поколенческого разрыва типичной для любой эпохи: «... ни одно поколение к последующему за ним восторга не испытывает, ни одно поколение к предшествующему большого уважения не питает» [3, 51]. Но поддерживая и транслируя идею поколенческого разрыва, Амфитеатров изменяет привычную структуру поколенческого дискурса как обращения «отцов к детям» и выступает в качестве представителя поколения 80-х, обращаясь к «отцам», возлагая на них вину за «потерянное поколение». С одной стороны, такое обращение к отцам-шестидесятникам, которые много сделали для страны, ее реформирования, но не смогли воспитать достойных преемников, передать лучшие традиции

своего времени, является новым и даже провокационным по отношению к «великой» эпохе 1860-х гг. С другой стороны, апелляция к отцам и негативность оценок предшествующего поколения была задана поколенческой риторикой тех же 1860-х гг., возлагавшей на «отцов» ответственность за отсталость страны и на противопоставлении им конструируя собственную позитивную идентичность как новых людей.

Разрыв поколений 60-ков и 80-ков, с точки зрения Амфитеатрова, произошел в 1870-х годах, когда формировалось мировоззрение молодого поколения, и решающее влияние на этот процесс оказали не отцы 60-ки, а классическая гимназия как инструмент государственной политики, в результате деятельности которой два поколения стали говорить на разных языках. Подчеркнутое различие языков двух поколений выступает ярким воплощением поколенческого разрыва, отражая различие в системе ценностных ориентаций, но сохранение значения поколенческой риторики и поколенческой идентичности показывает сохранение преемственности в способах идентификации, сохранение и использование единого социокультурного кода русской интеллигенцией. Общим для разных поколений интеллигенции является и отношение к власти, государству, на которое возлагается ответственность за разрыв поколений. И образ толстовской гимназии служит воплощением реакционной политики в целом. Амфитеатров сам учился в классической гимназии, оставив в воспоминаниях яркие характеристики учителей и гимназической жизни. Он признавался, что «если я что-либо ненавидел от всей моей юношеской души, так это классическую гимназию окаянного «толстовского» периода, в которой имел несчастье получать бездушное образование и никакого воспитания» [2, 84], выразительно называя себя «строптивым и ленивым узником в каторжной тюрьме толстовского классицизма» [2, 318]. Такое отрицательное отношение к классической гимназии (бывшей предметом острой как педагогической, так и политической полемики) было свойственно не только Амфитеатрову. При этом в своих воспоминаниях он отмечает, что его мать, Елизавета Ивановна, из рода Чупровых, отличаясь чрезвычайной мягкостью характера, категорически не принимала реформы образования Д. А. Толстого, считая его фактически личным врагом, не заслуживающим прощения. Как писал Амфитеатров: «И вот, однако, в душе такой-то женщины жила все-таки одна ненависть – настоящая, страстная, непримиримая, не желающая слушать никаких оправданий, ненависть к человеку, которого она никогда не видела, – к графу Д. А. Толстому. При ней лучше было не называть его имени, потому что

она мгновенно расстраивалась до горьких слез, проклиная Толстого как погубителя юного поколения...» [2, 318].

Подводя итоги, заметим, что поколенческая идентичность во второй половине XIX – начале XX в. стала одной из значимых форм самоидентификации и идентификации русского образованного общества, способом репрезентации истории интеллигенции, осмысления связи исторического прошлого и настоящего. Изменение социальной структуры российского общества под влиянием модернизационных процессов, формирование интеллигенции как особой группы и трансформация ее в профессионалов, актуализировало идентификационные поиски, создание и использование новых идентификационных конструктов, одним из которых и стало «поколение». Поколенческий дискурс оказался очень устойчивым, позволяя выражать различные идеи (политические, социальные, национальные), а образы различных поколений конструировались по общим основаниям, создавая культурную традицию и «мифологию» русской интеллигенции.

Список литературы

1. Амфитеатров А. В. Восьмидесятники. – СПб., 1908. – 439 с.
2. Амфитеатров А. В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. В 2 т. Т. 1. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – с.
3. Амфитеатров А.В. Житейская накипь. – СПб., 1905. – 284 с.
4. Дубин Б. В. Поколение: социологические границы понятия // Мониторинг общественного мнения. – М., 2002. – № 2. – С. 42-46.
5. Каспэ И. Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение русской литературы. – М.: НЛЮ, 2005. – с.
6. Кизеветтер А.А. Корнилов А.А. // Голос минувшего на чужой стороне. – Париж, 1926. – № 4.
7. Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 2 (30). – С. 48-72.
8. Шелгунов Н. В. Борьба поколений // Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни. – СПб., 1895.
9. Яковенко И. Г. Механизмы культурной динамики и смена поколений // Поколение в социокультурном контексте XX века. – М., 2005. – С. 112-129.

Рецензенты:

Худяков В. Н., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, Омский государственный педагогический университет, г. Омск.

Чуркин М. К., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории, Омский государственный педагогический университет, г. Омск.